

А. И. Козак (Черновцы)

Ἄνδρα τῆς Λακωνικῆς ἀγωγῆς:
к вопросу о социальном происхождении
Ксантиппа Лакедемонянина

В 256 г. до н. э. римляне попытались достичь решительного перелома в ходе Первой Пунической войны. 40-тысячная римская экспедиционная армия возглавляемая консулами Луцием Манлием Вольсоном и Марком Атилием Регулом сумела почти беспрепятственно высадиться на африканском побережье, недалеко от Карфагена. В первые же месяцы им удалось нанести пунийцам несколько чувствительных поражений и захватить значительное количество населенных пунктов. Казалось, будто римляне как никогда раньше близки к победе и могли окончательно уничтожить заклитого врага, предотвратив последующие войны с карфагенянами. Но этого не случилось. Весной 255 г. до н. э. в решающей битве при Тунете войско Регула потерпело сокрушительное поражение от пунийской армии под командованием греческого полководца «Ξανθίππου (Ксантиппа)».

Карфаген был спасен, а на следующий год боевые действия вспыхнули с новой силой. Пунийским армиям, которые приобрели необычайную мотивацию и стойкость, а также стали повсеместно применять неприсущие им ранее тактические приемы, удавалось еще целых четырнадцать лет с переменным успехом вести боевые действия. Тем не менее, несмотря на всю важность персоны Ксантиппа для изучения Пунических войн, его личность и происхождение до сих пор остаются чрезвычайно малоисследованной проблемой.

Абсолютное большинство источников прямо называют Ксантиппа спартанцем (Cic. De offic. III, 26, 99; Liv. XVIII; Sil. Ital. V. 326–328; Flor. II. 23; Ampel., 14, 9; Eutrop. II. 21. 4; Zonar. VIII. 13; Oros. IV. 9. 2–4) и лишь Полибий употребляет термин «ἄνδρα τῆς Λακωνικῆς ἀγωγῆς (человек лаконского воспитания)» (Polyb. I. 32. 1). На основе свидетельств Полибия Дж. Лейзенби сделал предположение о том, что полководец вообще не принадлежал к спартиатам [1, р. 103], однако этот тезис кажется довольно сомнительным. Спартанское воспитание (ἀγωγή) могли получить только члены спартиатской общины [2, с. 104; 3, S. 46], потому вполне вероятно, что античный автор своей формулировкой лишь пытался дополнительно подчеркнуть характерные для Ксантиппа дисциплину и храбрость.

Тем не менее, принадлежность военачальника к спартам не дает полной информации о его происхождении. Кризис, который начался еще в V в. до н. э. достиг ко времени жизни Ксантиппа своего апогея. Для Спарты III в. до н. э. характерны правовое и имущественное расслоение

ранее однородного коллектива граждан, уменьшение числа полноправных спартиатов, постоянная внутренняя нестабильность и постоянные политические конфликты. Дошло до того, что согласно Плутарху к середине столетия осталось не более 700 граждан обладающих всей полнотой прав, из которых только 100 обладали землей (Plut. Agis. 5, 7). Представители этого класса, так называемые «гомеи», были правящей верхушкой общества, формирующей органы управления. Большинство же населения Спарты составляли «гипомейоны» и «мофаки» — лишенная земли и потому потерявшая основную базу своего гражданского равноправия массу спартиатов [2, с. 102; 4, с. 275; 5, р. 27; 6, р. 76].

Именно благодаря наличию социальной прослойки гипомейонов Спарта к III в. до н. э. становится одним из крупнейших поставщиков наемников для эллинистического мира [6, р. 314; 7, р. 213; 8, с. 4]. Получив спартанское воспитание и будучи профессиональными солдатами, они не умели и не хотели заниматься чем-либо иным, кроме войны. Одним из таких наемников был и Ксантипп. Хотя, как детство, так и молодые годы будущего полководца прошли непосредственно в Спарте [9, S. 1348; 10, р. 34], ко времени прибытия в Карфаген по словам Полибия он был «μετεσχηκότα καὶ τριβὴν ἐν τοῖς πολεμικοῖς ἔχοντα οὐμμετρον (превосходно испытанным в военном деле)» (Polyb. I. 32. 1). Основываясь на упомянутом свидетельстве некоторые исследователи считают спартамца высокообразованным и признанным военным специалистом [11, с. 43], однако с таким мнением можно согласиться лишь частично.

Известно, что грамоте спартамцы обучались, но, как отмечает Плутарх, преследуя исключительно практические цели — «лишь в той мере, в какой без этого было нельзя обойтись» (Plut. Lys. 16. 10), а «прочие же виды образования подвергали ксенеласии» (Plut. Mor. 238 e.). Представляется абсолютно верным наблюдение тех современных авторов, которые считают, будто письменная культура приравнивалась в Спарте к предметам роскоши и рассматривалась как нечто неуместное и даже опасное еще в период поздней классики [12, с. 10–18; 13, с. 271]. Поэтому истинна на стороне тех ученых, которые называют спартамского полководца военным практиком, осваивавшим свое ремесло эмпирическим путем [14, с. 48].

Учитывая, что в исторической традиции он именуется «мужем опытейшим в военном искусстве» (Polyb. I. 32. 1), обладающим именно «практическим опытом» (Diod. Sic. XXIII. 14–15), можно с уверенностью говорить об его участии во многих вооруженных столкновениях эллинистического мира первой половины III в. до н. э. Например, в так называемой Хремонидовой войне (268–262 гг. до н. э.), где активно участвовала Спарта на стороне Афин и Птолемеевского Египта против Македонии [15, с. 493]. Перед самым прибытием в Карфаген Ксантипп выполнял обязанности триерарха флота Птолемея II Филадельфа в Галикарнасе (P. Cair. Zen. I 59036), на службу к которо-

му вернулся после завершения своего пребывания у пунийцев, в дальнейшем сыграв решительную роль в Третьей Сирийской Войне (246–241 гг. до н. э.) [16, с. 92; 10, р. 35].

Примечательно, что хотя традиционно спартанцев представляют в качестве пехотинцев, представители сословия гипомейонов не являлись частью фаланги, а, наоборот сражались верхом [18, р. 89]. Согласно рассказу Диодора Ксантипп во время битвы при Тунете решил «лично возглавить кавалерийскую атаку и быть на острие опасности», и во время битвы с римлянами «скакал взад и вперед» (Diod. Sic. XXIII. 14. 2), спешившись лишь в попытке ободрить свои войска и не допустить их бегства.

Надо также отметить, что по данным некоторых античных авторов лакедемоняне в период эллинизма стали известными военными специалистами. Согласно сообщению позднеримского военного теоретика Флавия Вегетия Рената, именно «они выдвинули учителей военного искусства, которых они называли тактиками, чтобы они обучали их молодежь практике и различным приемам владения оружием» (Veget. Epit. III. proem). При этом, как ярчайший случай он приводит пассаж, который связан с военной деятельностью спартанского стратега в Карфагене. «Какую пользу принесла тактика в сражениях лакедемонянам, — пишет автор, — не говоря обо всем другом, — ясно на примере Ксантиппа: явившись к карфагенянам в единственном числе и подав им помощь не силой и доблестью, а знанием и искусством, он, разбил наголову неприятельские войска, взял в плен Атилия Регула и все римское войско и блестящей победой в одном сражении закончил всю войну» (Veget. Epit. III. Proem). Таким образом, по мнению Вегетия прибывший в пунийскую столицу спартанский военачальник, принадлежал к числу так называемых тактиков, которые умели искусно строить и перестраивать войска. Последнее объяснялось тем, что именно в эллинистическую эпоху греческие стратеги должны были уметь командовать огромными полиэтническими армиями, управление которыми представляло особую сложность [18, с. 20–21].

Итак, подытоживая вышесказанное, следует констатировать, что Ксантипп Лакедемонянин был одним из наиболее ярких и успешных полководцев эллинистической эпохи. Происходя из неравноправного сословия гипомейонов и получив спартанское воспитание, он не смог реализовать свой потенциал в родном полисе и на протяжении почти всей жизни пребывал на службе у различных эллинистических государств, достигнув значительных успехов в качестве наемника, тактика и стратега.

Литература

1. *Lazenby J.* The First Punic War: A Military History. — Stanford, 1996.
2. *Печатнова А. Г.* Гипомейоны и мофаки (Структура гражданского коллектива Спарты) // ВДИ. — 1993. — № 3.

3. *Kahrstedt U.* Griechische Staatsrecht. Bd I. Sparta und seine Symmachie. — Göttingen, 1922.
4. *Печатнова, Л. Г.* Спарта. Миф и реальность. — М., 2013.
5. *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta. A tale of two cities. — L.; N. Y., 2005.
6. *Hadas M.* The Social Revolution in third-century Sparta // *Classical Weekly*. — 1932. — Vol. 26. — № 10.
7. *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 BC. — L.; N. Y., 2002.
8. *Griffith G.* The Mercenaries of the Hellenistic World. — Cambr., 1935.
9. *Бубнов Д. В.* Наемничество в Таренте во второй половине IV — начале III века до н. э. // *Вестник Пермского университета*. — 2008. — Вып. 7.
10. *Gärtner H.* Xanthippos // *RE*. — Stuttgart, 1967. — Bd. IXA, Hbd 2.
11. *Bardunias P.* Mercenary rescues Carthage. The battle of the Bagradas river // *Ancient Warfare*. — 2009. — Vol. III.
12. *Блаватская Т. В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. — М., 1983.
13. *Андреев Ю. В.* Греческий полис без бюрократии и литературы (Письменность в жизни спартанского общества) // *Hypereboreus. Studia Classica*. Petrop. — 1994. — Vol. I. — Fasc. 1.
14. *Печатнова Л. Г.* История Спарты (период архаики и классики). — СПб., 2001.
15. *Нефедкин А. К.* Античная военная теория и «Стратегемы» Полиэна // *Полиэн. Стратегемы*. — СПб., — 2002.
16. *Любкер Ф.* Реальный словарь классической древности. — М., 2001. — Т. 3.
17. *Гурьев А. В.* Военная реформа Ксантиппа // *Para bellum*. — 2001. — № 12.
18. *Worley L.* Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece. — Boulder; Oxford, — 1994.
19. *Нефедкин А. К.* Башни на вооружении древних боевых слонов // *ВДИ*. — 2010. — № 2.

